

ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

УДК 2-591

<https://elibrary.ru/tzmrot>

ВОСПРИЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «ОКАЯННЫЕ ДНИ»): БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Священник Евгений Михайлович Дынич
аспирант кафедры филологии Московской
духовной академии
141300, Московская область, г. Сергиев
Посад, Троице-Сергиева Лавра, Московская
духовная академия
E-mail: radtel@rambler.ru

Для цитирования: Дынич Е. М., священник. Восприятие революции в прозе И. А. Бунина (на материале книги «Окаянные дни»): библейский контекст // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 3 (20). С. 164–179. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164. EDN: TZMROT.

Аннотация

Статья посвящена исследованию апокалиптических мотивов и библейских аллюзий в философско-публицистическом произведении И. А. Бунина «Окаянные дни», характеризующих его как субъективное свидетельство автора о революционном времени. Книга И. А. Бунина рассматривается в контексте многовековой христианской традиции в русской словесности, а также в контексте эсхатологизма русской литературы XIX – начала XX в.

При помощи описательного, мотивного, стилистического и мифологического методов исследования в произведении выявляется специфическое видение И. А. Буниным сущности «богопротивных сил», действующих в революционной России: в «Окаянных днях» на первый план выступают семы похабности, уродства, разврата, бездарности, лицедейства, лжи, духовной и физической смерти. Семантические ряды свидетельствуют о тотальном неприятии И. А. Буниным большевистской власти на всех уровнях – бытовом, нравственном, эстетическом. Автор статьи подчеркивает, что писатель воспринимал революцию как явление не столько политического, сколько духовного порядка, через призму религиозного мировоззрения.

В результате исследования показано, что русская революция осмысливается И. А. Буниным в негативных библейских эсхатологических категориях – как наступление царства антихриста, время гнева Божия, разрушения и попрания подлинных нравственных идеалов и прекрасной культуры дореволюционной России.

Ключевые слова: И. А. Бунин; «Окаянные дни»; апокалиптические мотивы; эсхатологизм; русская революция; библейский контекст; христианская традиция в русской литературе.

Введение

Данная статья освещает содержание философско-публицистического произведения И. А. Бунина «Окаянные дни» в достаточно малоизученном аспекте, а именно в свете словесной традиции русского Православия и важнейших особенностей христианской веры и жизни, причастность к которым раскрывается в художественном и публицистическом творчестве И. А. Бунина 1917–1920-х гг.

Потенциал изучения литературной рецепции трагических событий русской революции и гражданской войны, таких как братоубийство, голод, «красный террор», крушение общественных устоев и нравственных заповедей, в силу объема материала и сложности, противоречивости, болезненности самого исторического события и в наше время не исчерпал себя. Последовательное и вдумчивое привнесение в исследования подобного рода христианского взгляда на литературное произведение позволяет по-новому осмыслить столь неоднозначный и конфликтообразующий феномен русской революции и его отражение в литературном творчестве современников, частью которого являются «Окаянные дни». Новизна данного подхода заключается в том, что целью научной работы становится поиск и выявление духовной сути произведения. Выводы, к которым приводит данное исследование, можно использовать в практическом плане как подспорье для решения каждодневных духовных задач. Такими задачами можно назвать трезвенное преодоление катаклизмов разного масштаба на пути к вечности, а также передачу приобретенного духовного опыта в образовательно-воспитательной сфере.

Основная часть

Для русской литературы традиция осмысления событий отечественной истории через обращение к тексту Священного Писания характерна со времен зарождения русской художественной словесности и появления первых письменных памятников. Так, известнейший древнерусский летописный памятник «Повесть временных лет» начинается с рассказа о ветхозаветных временах – с разделения земель между сыновьями Ноя после великого потопа: «По потопе трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет... По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть славяне» [1, с. 9, 11]. Таким образом летописец включил историю Руси в контекст библейской истории, истории эсхатологического *избранного народа*. Подобных примеров в древнерусской словесности множество, что объясняется одним из основных ее свойств – религиозностью, теоцентризмом. Можно утверждать, что русское историософское сознание изначально формировалось с опорой на Библию, путем поиска соответствий и создания параллелей между явлениями и лицами русской истории и истории Священной.

Катастрофические моменты в жизни страны закономерно ассоциировались отечественными авторами с апокалиптическими сюжетами Ветхого и Нового Заветов и особенно – с новозаветной книгой «Откровение Иоанна Богослова», содержащей пророчество о финальной стадии совершения замысла Божия о человечестве.

Мотив ослабления веры от излишнего *мудрствования* в виде рационализации или измышления новых религиозных и мистических концепций и практик на основе субъективных ощущений, заменяющих многовековую теологическую и богослужебную традицию как исказившую образ Христа, характерен для рубежа XIX–XX вв. (здесь можно вспомнить предтечу символизма Владимира Соловьева, создателя концепции «Третьего Завета» Д. С. Мережковского, Вячеслава Иванова, Андрея Белого).

Рациональное отношение к пониманию мироустройства – это источник утопизма, во многом основанного на человеческом убеждении в возможности построить «рай на земле», основываясь не на уповании на милость Божию, но на человеческом разуме и земном, утилитарном понятии о справедливости, что особенно актуально именно в контексте коммунистической идеологии. Предпосылки этого можно увидеть в трудах Н. Г. Чернышевского (образ стеклянного дворца из снов Веры Павловны в романе «Что делать?»), в учении Ф. Ницше о сверхчеловеке, в «гордых» босяках – героях произведений М. Горького. Предостережение о гибельности такого самонадеянного и «математического» пути к земному благоустройству для души человека особенно явственно и пророчески-тревожно звучит в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866 г.) и «Бесы» (1872 г.). Роман «Бесы», герои которого читают [2, с. 497–499] послание Лаодикийской церкви из книги «Откровение апостола Иоанна Богослова» (Откр. 3, 14–17), повествует о деятельности революционно-террористических организаций в Российской империи в конце XIX в. и содержит в себе проекцию текста Апокалипсиса на современные автору события в жизни страны, что указывает на интерпретацию Достоевским революционных идей и практик. После 1917 г. этот роман многими стал восприниматься как пророческий.

Русский символизм, чья эпоха предшествовала революционным событиям, отчасти из средневековой культуры перенял склонность к кодированию и дешифровке действительности. «Предсказателей» конца света XVII–XVIII вв. и русских символистов рубежа XIX–XX вв. объединяет взгляд на действительность через призму двоемирия, когда зримые явления осмысляются как свидетельства событий духовного мира. Интерес младосимволистов (показательный пример – два «Балаганчика» А. Блока, стихотворение 1905 г. и пьеса 1906 г.) к карнавальной культуре также имеет связь с эсхатологическим мотивом подмены и обмана, когда все не то, чем кажется, и в этом главная опасность для души человека: «Тогда, если кто скажет вам: “вот, здесь Христос”, или “там”, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24, 23–24).

Образ зверя-антихриста также прочно связан с понятием земной власти, поэтому антихристами «назначались» правители или захватчики, стремившиеся к власти в стране или в мире. Так, роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» (1867 г.) начинается со слов Анны Павловны Шерер о Наполеоне-Антихристе [3, с. 3]. Позже главный герой произведения Пьер Безухов, став масоном, в мистической экзальтации начнет производить вычисления эсхатологического толка и в итоге придет к идее своей избранности для выполнения миссии по убийству Наполеона – еще одного императора-антихриста в мировой истории [4] (том III, часть I, глава XIX).

В связи с вышеописанными примерами можно говорить о том, что к рубежу XIX–XX вв. поэтика Апокалипсиса уже обрела немаловажное значение в русской художественной литературе, как церковной, так и светской.

Однако ни апокалиптическое (с подтекстом обреченности), ни утопическое направления эсхатологической темы в русской литературе рубежа веков, в так называемом «историософском тексте русской революции» [5, с. 133] не раскрывают полноты богословского содержания книги «Откровение...» с позиции христианства, но, как правило, обращаются к одному из множества ее аспектов. Выбор аспекта и способ выстраивания интертекстуальных связей с Апокалипсисом говорит об особенностях рецепции тем или иным писателем эсхатологии книги «Откровение...» и исторических явлений, на которые проецируется апокалиптический миф.

Катастрофические события 1917 – начала 1920-х гг., колоссального масштаба социальные потрясения и перемены, безусловно, не могли не вызывать у современников мысли о конце света. На смену эсхатологическим предчувствиям и философским построениям пришло осознание реальной необратимости происходящего: текст Апокалипсиса начал обретать в восприятии художников слова прямые соответствия с действительностью революционной поры.

В 1920-е гг. русская революция была уже не мечтой или кошмаром, но свершившимся событием, и процесс ее ретроспективного осмысления был запущен. Будет продуктивным на материале знаковых произведений отечественной прозы 1920-х гг.

рассмотреть механизмы осмысления русской революции через апокалиптический миф, а также выявить основные векторы сопоставления революционных событий с библейскими образами и сюжетами Ветхого и Нового Заветов, особенно – с Откровением Иоанна Богослова как главным источником христианской эсхатологии.

Произведение И. А. Бунина «Окаянные дни» представляет дневниковые записи писателя за 1918–1920 гг. (1918 г. – Москва, 1919 г. – Одесса). Впервые оно было частично опубликовано в 1926 г. в Париже. Многие отмечали чрезмерную резкость бунинской оценки происходившего в первые годы советской власти. Действительно, «Окаянные дни» уже по своей дневниковой форме лишены интенций к историсофской объективации – это необъективное и непримиримое свидетельство о событиях, которые для Бунина стали личной трагедией гибели родной страны и культуры, тем более страшной, что разрушение прекрасной (по Бунину) России было осуществлено руками ее народа. 1917 год и захват власти большевиками воспринимаются Буниным апокалиптически – как наступление царства антихриста и излияния гнева Божия на людей [6].

В «Окайнных днях» важное место занимают библейские цитаты и аллюзии [7]. Ключевыми в понимании происходящего для Бунина явились история Каина и Авеля (что следует уже из названия книги) и библейский образ пророческого сна фараона о грядущем голоде (ср. Быт. 41, 1–5): «...вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь тучных, но сами от того не станут тучнее» (запись от 24 апреля 1919 г. [8, с. 330]). Эту же неточную цитату из книги «Бытие» Бунин использовал в своей речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г. [9, с. 390]. В этой речи Бунин дважды произнес имя первого убийцы Каина: «Планетарный же злодей, осененный знаменем с **издевательским** призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря, и весь мир призывал в **грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа**, ставить памятники Иуде и **Каину**, учить “Семь заповедей Ленина”... молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую не-

ненависть к **русскому Кайну**. А моя любовь к **русскому Авелю** не нуждается даже в молитвах о поддержании ее» [9, с. 392, 395].

Противопоставления тощих и тучных коров и русского Кайна русскому Авелю находятся в отношениях параллелизма. Для Бунина основание для объединения этих антитез заключается в причине первого убийства (и, что особенно важно в контексте гражданской войны, братоубийства) – грехе зависти, когда неимущий не пытается умножить свое, а из злобы уничтожает богатство имущего и его самого. Проклятый убивает благословенного, беспокойный, унывающий – благодарного Богу труженика. По мнению Бунина, этот грех лежит и на русском народе, под манипулятивным руководством большевиков разрушившем процветающее многовековое царство талантливого и трудолюбивого «русского Авеля», и на интеллигенции, оправдывавшей (иногда и с восторгом) революционный погром как историческую необходимость.

Бунину была совершенно не близка современная ему модернистская историософия с ее мистическим концептуализмом и верой в прогресс. Тезис об исторической необходимости и предопределенности русской революции для Бунина являлся ложным, надуманным, в связи с чем в его заметках встречаются критика и ирония, направленные на приверженцев этой отчасти компромиссной идеи – А. Блока, М. Волошина (см. также «Миссия русской эмиграции»). К прошлому Бунин относился как к утраченному и преданному Золотому веку, к советскому настоящему – как к свидетельству грехопадения и вырождения, которого можно и нужно было избежать, а после его наступления – не принять, остановить [10; 11].

Встретившееся в «Миссии русской эмиграции» словосочетание «планетарный злодей» связано с образами дьявольской силы из Апокалипсиса. Основные черты, составляющие эту эсхатологическую мифологию, – огромная власть над людьми, «прельщение многих», обожествление себя, лживость, насилие и беззаконие: «Но в том-то и **сатанинская сила** их, что они сумели перешагнуть все пределы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущенный крик наивным, дурацким. <...> Да, конечно, это что-то **нечеловеческое**. Люди совсем

недаром тысячи лет верят в дьявола. Дьявол, нечто **дьявольское** несомненно есть» (из записи от 9 июня 1919 г.) [8, с. 363].

В «Окаянных днях» к традиционным для изображения сил зла определениям добавляются специфически бунинские эпитеты с семантикой бездарности, уродства, обмана, кривлянья, обезьянничества, внешнего звероподобия (тоже апокалиптический мотив). Бездарность и уродство (и внутреннее, и внешнее), которые Бунин видел в «новых людях», – основополагающие для писателя характеристики нового пореволюционного «антимира». Здесь нужно подчеркнуть, что более всего в человеческой природе Бунин ценил талантливость и чувство прекрасного (и эстетическое, и нравственное – одно без другого не работает, для Бунина истинны слова пушкинского Моцарта о «несовместности» гения и злодейства). Осколки прекрасного мира автор и свидетель «Окаянных дней» не прекращает видеть и посреди всех ужасов постреволюционной Москвы. Он любит старинным особняком, соборами Кремля, богослужением, военным в трамвае («...весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний могиқан» [8, с. 288]). Медленное, детальное созерцание красоты (в природе, архитектуре, человеке), так свойственное бунинскому писательскому мастерству, обретает свое место и на страницах «Окаянных дней», усиливая трагичность авторского переживания ужаса от человеческих дел, совершающихся рядом с этой хрупкой, попираемой, обреченной и все-таки вечной красотой жизни: «“Вон из Москвы!” А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка... Но вот тихий переулочек, совсем темный, идешь – и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, **прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющий** на ночном небе, которое тут совсем **другое**, чем над улицей, а перед домом **столетнее** дерево, черный узор его **громадного** раскидистого шатра...» (2 марта 1918 г.) [8, с. 294].

Содеянный грех, Божиим наказанием за который стали революция и приход большевиков к власти, по мнению Бунина, лежит на всех русских людях. Еще одна приведенная в книге цитата из Библии показывает то, как через сопоставление с книгой пророка Иеремии Бунин осмысляет греховность простого народа, интеллигенции и большевиков:

«**“Мир, мир, а мира нет. Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их”**».

Это из **Иеремии**, – все утро читал Библию. Изумительно. И особенно слова: **“И народ Мой любит это... вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их”**» [8, с. 281].

«Нечестивые» в данном контексте могут быть истолкованы как идеологи и вожди коммунизма, манипулирующие народом, который «любит это», – необразованными рабочими и крестьянами и нравственно слабыми, развращенными интеллигентами, художниками, литераторами.

Наиболее многочисленны и разнообразны в «Окаянных днях» семантические ряды лживости, соответствующие апокалиптическому образу лжепророка, обольщающего людей, чтобы те приняли начертание зверя (Откр. 19, 20), а также слова с семами непристойности, блуда, разврата.

«Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в **гнуснейшем кабаке** какая-то “Музыкальная табакерка” – сидят спекулянты, шулера, **публичные** девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют **ханжу** из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая **наиболее похабные**» (2 марта 1918 г.) [8, с. 293].

«Грузовик – каким страшным символом остался он для нас, сколько этого грузовика в наших самых тяжелых и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим **ревушим и смердящим животным**, переполненным сперва истеричками и **похабной** солдатней из дезертиров, а потом отборными **каторжанами**» (19 апреля 1918 г.) [8, с. 308].

«Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, **гулящей** прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и **похабными** карточками, и сладстями, и всем, чего просишь... А там он [Маяковский] **вскочил на стул** и так **похабно** заорал что-то, что министр оцепенел» (Ночь на 24 апреля 1918 г.) [8, с. 321, 323].

«Сколько стихотворцев и прозаиков делают **тошнотворным** русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, “словеса золотые” и **бесстыдно** выдавая их за свои, **оскверняя** их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то **похабнейшую** в своем архируссизме **смесь**, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно!» (9 мая 1918 г.) [8, с. 349].

«Колчак признан Антантой Верховным Правителем России. В “Известиях” **похабная** статья: “Ты скажи нам, гадина, сколько тебе дадено?”» (4 июня 1919 г.) [8, с. 362].

«В газетах все то же – “Деникин хочет взять в свои лапы очаг” – и все та же страшная тревога за немцев, за то, что им придется подписать “позорный” мир. Естественно было бы крикнуть: “**Негодяи**, а как же **похабный** мир в Бресте, подписанный за Россию Караханом?”» (9 июня 1919 г.) [8, с. 363]

Определение *похабный* – одно из наиболее частотных. «Похабство», с точки зрения Бунина, пронизывает все сферы «новой» жизни: и литературу, и сам русский язык, и политику, и повседневное поведение. Примечательно, как в одном из приведенных выше отрывков Бунин описывал своеобразный символ революционных дней – грузовик: «смердящее животное», на котором сидят «истерички, похабная солдатня, отборные каторжане». По сути, это воспроизведение образа *сидящей на звере блудницы* Вавилон из «Откровения...»: «И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами» (Откр. 17, 3).

Особая вина, по мнению Бунина, лежит на литераторах и интеллигенции в целом, с которой в первую очередь и ассоциируется образ вавилонской блудницы: «“**Развратник**, пьяница Распутин, злой гений России”. Конечно, хорош был мужичок. Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих Собак”?» (2 марта 1918 г.) [8, с. 293].

Бунин утверждал, что образованная, искушенная в искусствах, «философствовании» и материальных благах часть русского общества была оторвана от народа, деревни, России, не знала и не понимала ее: «А “Деревня” вещь все-таки необыкновенная. Но доступна только знающим Россию. А кто ее знает?» (10 февраля 1918 г.) [8, с. 281]. Бунин не исключает при этом и своей вины,

говоря от первого лица множественного числа: **«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»** (12 апреля 1919 г.) [8, с. 300].

В Откровении Иоанна Богослова есть главы, посвященные изображению последнего гнева Божия, посылаемого на людей в виде страшных казней (Откр. 6–9, 16) за идолопоклонничество и поклонение зверю. И сказано: **«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них»**. И. А. Бунин в одесской записи от 22 апреля 1919 г. вспоминал виденную им в Москве в 1918 г. похоронную процессию и зафиксировал этот апокалиптический мотив в словах плачущей на улице старухи:

«Я бормочу: – “Ну будет, будет, Бог с тобой” – спрашиваю: – “Родня, верно, покойник-то?” А старуха хочет передохнуть, одолеть слезы и наконец с трудом выговаривает:

– Нет... Чужой... Завидую...» [8, с. 316].

Итак, поэтика Библии и Апокалипсиса раскрывается в «Окаленных днях» И. А. Бунина в первую очередь через два основных христианских эсхатологических мотива – грехопадения и мученичества. С мотивом грехопадения связано описание всех отрицательных образов, соотносимое с апокалиптическим «царством зверя», ставшим результатом грехопадения, – новой власти, новых людей, их звероподобия, лживости, подлости, бездарности, жестокости. Раскрытие сути совершенного греха базируется на размышлениях Бунина о дореволюционном прошлом России, которое и привело к трагедии русской революции (в первую очередь к этому аспекту относятся мысли Бунина о «литературности», развращенности и сословной замкнутости жизни интеллектуальной элиты). В бедствиях, составлявших жизнь России 1918–1920 гг., Бунин видел гнев Божий, расплату за нераскаянный грех. Мотив мученичества пронизывает образы уходящей России – мира прекрасной старины, утонченности, богатства, разнообразия, святости, человеческого достоинства. Именно как мучеников, пострадавших, подобно Христу, за вечную Истину, Бунин воспринимал всех претерпевших страшные и унижительные страдания за непризнание новой власти.

Заключение

Непримиримость к революции и ее плодам, отождествление всех причастных ей людей и явлений с силами дьявола и уверенность в грядущей расплате, ожидающей революционных деятелей, в соединении с глубокой личной скорбью, омерзением, ощущением собственного унижения, беспомощности и осознанием безвозвратности потери – таков пафос изображения революционного времени в изученной нами книге И. А. Бунина «Окаянные дни».

Наши наблюдения, основанные в первую очередь на изучении лексики, библейских аллюзий и цитат, показывают, что писатель воспринимал революцию как явление не столько политического, сколько духовного порядка – как результат предательства русскими людьми царствующих в прежней, «святой Руси» любви, красоты и истины, которые можно обрести только в Боге и которые и есть Бог.

Список литературы

1. Повесть временных лет / пер. с древнерусского Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; ил. М. М. Мечева. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. – ISBN 978-5-93898-386-1. – 512 с. – Текст : непосредственный.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 10 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1974. – 522 с. – Текст : непосредственный.
3. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 9. / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1937. – 550 с. – Текст : непосредственный.
4. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 11. / Л. Н. Толстой. – Москва : Художественная литература, 1932. – 504 с. – Текст : непосредственный.
5. Бражников, И. Л. Русская литература XIX–XX веков: историко-философский текст / И. Л. Бражников. – Москва : Прометей, 2011. – ISBN 978-5-4263-0037-8. – 300 с. – Текст : непосредственный.

6. Сафонова, Т. В. Поэтика апокалипсиса: И. А. Бунин «Окаянные дни» / Т. В. Сафонова. – DOI 10/24412|1811-1629-2021-1-55-62. – Текст : электронный // Мир русского слова. – 2021. – № 1. – С. 55–62. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-apokalipsisa-i-a-bunin-okayannye-dni> (дата обращения: 10.06.2022).

7. Агафонова, В. Д. Библейская символика в художественном дневнике И. А. Бунина «Окаянные дни» / В. Д. Агафонова. – Текст : электронный // Культура. Духовность. Общество. – 2016. – № 24. – С. 42–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskaya-simvolika-v-hudozhestvennom-dnevнике-i-a-bunina-okayannye-dni> (дата обращения: 10.06.2022).

8. Бунин, И. А. Собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / И. А. Бунин. – Москва : Воскресенье, 2006. – ISBN 5-88528-491-1. – 488 с. – Текст : непосредственный.

9. Бунин, И. А. Собрание сочинений. В 13. Т. 8 / И. А. Бунин. – Москва : Воскресенье, 2006. – ISBN 5-88528-497-0. – 548 с. – Текст : непосредственный.

10. Ничипоров, И. Б. Голоса эпохи в «Окаянных днях» И. Бунина / И. Б. Ничипоров. – EDN: UJNTWV. – Текст : непосредственный // Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов / Министерство образования и науки Российской Федерации ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина». – Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2015. – ISBN 978-5-94809-769-5. – С. 170–174.

11. Пономарев, Е. Р. «Окаянные дни» И. А. Бунина : история текста / Е. Р. Пономарев. – Текст : непосредственный // Русская литература / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ; гл. ред. В. Е. Багно. – Санкт-Петербург, 2019. – № 3. – С. 196–210.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022.

Статья поступила после рецензирования 11.07.2022.

Статья принята к публикации 25.07.2022.

UDC 2-591

PERCEPTION OF THE REVOLUTION IN I. A. BUNIN'S PROSE (BASED ON MATERIAL FROM THE BOOK CURSED DAYS): BIBLICAL CONTEXT

Evgeny M. Dynich, Priest

PhD Student at the Philology Department
Moscow Theological Academy
Troitse-Sergieva Lavra
Sergiev Posad, 141300, Moscow Region
E-mail: raddtel@rambler.ru

For citation: Dynich E.M., priest Perception of the revolution in I. A. Bunin's prose (based on material from the book Cursed Days): biblical context // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2022, no. 3 (20), pp. 164–179. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_164. EDN: TZMROT. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of apocalyptic motives and biblical allusions in I. A. Bunin's philosophical and journalistic work "Cursed Days", characterizing it as the author's subjective evidence of the revolutionary time. The book by I. A. Bunin is considered in the context of the centuries-old Christian tradition in Russian literature, as well as in the context of the eschatologism of Russian literature of the 19th – early 20th centuries.

With the help of descriptive, motif, stylistic and mythological methods of research, the work reveals a specific vision by I. A. Bunin of the essence of the "godless forces" operating in revolutionary Russia: the semes of obscenity, ugliness, depravity, mediocrity, hypocrisy, lies, spiritual and physical death. The semantic rows testify to the total rejection by I. A. Bunin of the Bolshevik power at all levels – everyday, moral, aesthetic. The author of the article emphasizes that the writer perceived the revolution as a phenomenon not so much of a political as of a spiritual order, through the prism of a religious worldview.

As a result of the study, it is shown that the Russian revolution is comprehended by I. A. Bunin in negative biblical eschatological categories – as the onset of the kingdom of Antichrist, the time of God's wrath, the destruction and trampling of genuine moral ideals and the beautiful culture of pre-revolutionary Russia.

Keywords: I. A. Bunin; Cursed Days; apocalyptic motives; eschatologism; Russian revolution; biblical context; Christian tradition in Russian literature.

References

1. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 512 p. (In Russian).
2. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 10, 522 p. (In Russian).
3. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1937, vol. 9, 550 p. (In Russian).
4. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1932, vol. 11, 504 p. (In Russian).
5. Brazhnikov I.L. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: istoriograficheskii tekst* [Russian literature of the 19th–20th centuries: a historiographical text]. Moscow, Prometheus Publ., 2011, 300 p. (In Russian).
6. Safonova T.V. Poetika apokalipsisa: I.A. Bunin “Okayannye dni” [Poetics of the Apocalypse: I. A. Bunin “Cursed Days”]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2021, no. 1, pp. 55–62. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-apokalipsisa-i-a-bunin-okayannye-dni> (accessed: 10.06.2022). DOI 10/24412/1811-1629-2021-1-55-62.
7. Agafonova V.D. Bibleiskaya simvolika v khudozhestvennom dnevnike I.A. Bunina “Okayannye dni” [Biblical symbolism in the artistic diary of I. A. Bunin “Cursed Days”]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. [Culture. Spirituality. Society]. 2016, no. 24, pp. 42–48. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bibleyskaya-simvolika-v-hudozhestvennom-dnevnike-i-a-bunina-okayannye-dni> (accessed: 10.06.2022).
8. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Sunday Publ., 2006, vol. 6, 488 p. (In Russian).
9. Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, Sunday Publ., 2006, vol. 8, 548 p. (In Russian).
10. Nichiporov I.B. Golosa epokhi v “Okayannykh dnyakh” I. Bunina [Voices of the epoch in I. Bunin's “Cursed Days”]. *Sbornik nauchnykh trudov “Tvorcheskoe nasledie I.A. Bunina v kontekste*

sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy [Collection of scientific papers "The Creative Heritage of I. A. Bunin in the Context of Modern Humanitarian Research]. Yelets, Yelets State University named after I. A. Bunin, 2015, pp. 170–174. (In Russian).

11. Ponomarev E.R. "Okayannye dni" I.A. Bunina: itoriya teksta ["Cursed Days" by I. A. Bunin: the history of the text]. *Russkaya Literatura* [Russian Literature]. St. Petersburg, 2019, no. 3, pp. 196–210. (In Russian).

Received 15 June 2022.

Reviewed 11 July 2022.

Accepted for press 25 July 2022.

УДК 801.82

<https://elibrary.ru/ujurxx>

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ОБ ИСТОРИИ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ КОЗЛОВСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (XVII–XX ВВ.)

**Иеромонах Владимир (Аршинов
Владимир Владимирович)**

магистрант II курса Тамбовской духовной семинарии, направление подготовки 48.04.01 «Теология», профиль «Русская духовная словесность»

392000, Тамбовская область, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3

E-mail: monosvl303@yandex.ru

Для цитирования: Владимир (Аршинов В. В.), иером. Культурное наследие в нарративных источниках об истории храмов и монастырей Козловского уезда Тамбовской губернии (XVII–XX вв.) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 3 (20). С. 179–195. DOI: 10.51216/2687-072X_2022_3_179. EDN: UJURXX.